

Пролог

Не знаю толком, с чего все это началось. Хотя папа еще давно, когда однажды мы все ехали в пикапе, объяснял:
— В Бурунди, как в Руанде, есть три народности, говоря по-научному, этнических группы. Самая большая — хуту. Они невысокие и носатые.

— Как Донасьен? — спросил я.

— Нет, Донасьен — заирец, это не то. А вот как, например, Протей, наш повар. Другая группа — тва, или пигмеи. Но они, можно сказать, не считаются, их слишком мало. И третья — тутси, как ваша мама. Их гораздо меньше, чем хуту, они высокие, с тонкими носами, и никогда не знаешь, что у них в голове. Ты, Габриэль, — он ткнул в меня пальцем, — настоящий тутси, никогда не знаешь, что ты думаешь.

На этот раз я и сам не знал, что думаю. Что можно думать о таких вещах? И я спросил:

— Тутси и хуту воюют из-за того, что у них разные территории?

— Нет, они живут в одной стране.

— Тогда из-за того, что у них разные языки?

— Нет, они говорят на одном языке.

— Может, у них разные боги?

— Нет, бог у них один и тот же.

— Ну так из-за чего они воюют?

— Из-за того, что у них разные носы.

На этом разговор окончился. Все-таки странная история. По-моему, папа и сам не очень понимал, в чем дело. Но с того дня я начал обращать внимание на рост и форму носа каждого встречного. Когда нас с сестренкой Аной брали в центр города и водили по магазинам, мы втихомолку гадали, кто хуту, а кто тутси. Шептались между собой:

— Вон тот, в белых штанах, наверняка хуту — он маленький, с толстым носом.

— Ага, а этот, в шляпе, длинный, тощий и с тоненьким носом, — тутси.

— А вон еще хуту — в полосатой рубашке.

— Нет, посмотри: он худой и высокий.

— Да, но какой толстый нос!

Как-то не очень верилось в эти этнические объяснения. К тому же папа подобных разгово-

ров не любил. Нечего детям, говорил он, соваться в политику. Мы бы и рады, да никак не получалось. День ото дня нагнеталась какая-то странная атмосфера. Даже в школе ребята то и дело ссорились и обзывали друг друга хуту или тутси. Когда показывали “Сирано де Бержерака”, кто-то сказал: “Глядите, он тутси – нос-то какой!” Изменился сам воздух. И это чуял каждый, какой бы нос у него ни был.

Желание вернуться — вечное мое наваждение. Не проходит и дня, чтобы та страна хоть как-то не напомнила о себе. Неясный звук, легкий запах, закатный свет, чей-то жест или просто молчание — любая малость может разбудить память о детстве. “Ты ничего там не найдешь, кроме руин и призраков”, — твердит мне Ана. Она и слышать не желает о “проклятой стране”. Я слушаю ее. Я верю ей. Она всегда была разумнее меня. И гоню прочь эту мысль. Твердо решаю никогда туда не возвращаться. Я живу тут. Во Франции.

Но по-настоящему мне не прижиться нигде. Прижиться где-то значит телесно слиться с этими местами, с каждым оврагом и пригорком. Тут — ничего подобного. Тут я не житель, а жилец. Тут я располагаюсь, проживаю, квартирую. Мое жилище

служит мне ночлегом и выполняет чисто прагматичные задачи. Оно пахнет свежей краской и новым линолеумом. Соседи — совершенно незнакомые люди, мы приветливо избегаем друг друга на лестнице.

Я живу и работаю в парижском предместье. Сен-Кантен-ан-Ивлин. Линия С скоростной пригородной электрички. Городок новый, как жизнь без прошлого. Понадобились годы, чтобы я, как говорится, интегрировался. Нашел постоянную работу, квартиру, обзавелся друзьями, привычками.

Знакомиться я люблю по интернету. На один вечер или несколько недель. Девушки разные, и все, как на подбор, красавицы. Я с наслаждением выслушиваю их рассказы о себе, вдыхаю запах их волос и забываюсь в кольце их рук и ног, в их податливой плоти. Все до единой обязательно задают один и тот же опостылевший вопрос: “Кто ты по происхождению?” Вопрос естественный. Обычный. Почти неизбежный при первой встрече. Моя бронзовая кожа у многих вызывает любопытство — предъяви им свою родословную. Я отвечаю: “Человек”, — и это их раздражает. А я ведь никого не хочу задеть. Не строю из себя зануду или умника. Просто зарекаюсь обсуждать, кто я такой, еще когда пешком под стол ходил.

Время идет. У меня отработанная техника. Девушки говорят, а я слушаю. Им это нравится.

Я пью. Глотаю крепкое спиртное. Пока не наберусь настолько, что заглушу свою природную честность. И не превращусь в коварного охотника. Смешу их. Соблазняю. И уже в шутку заговариваю сам о своем происхождении. Принимаю таинственный вид. Играем в кошки-мышки. Жестоко говорю, что моя идентичность оплачена трупами. Они не пересекают. Им хочется, чтоб было весело. Смотрят глазами лани. Я начинаю их хотеть. Некоторые не против. Такой оригинал. Со мной приятно поразвлечься, но недолго.

Желание вернуться — вечное наваждение. Я, как могу, стараюсь от него отделаться, отбросить подальше. Страшно опять столкнуться с тем, о чем хочешь забыть, страшно разбередить все ужасы, оставшиеся там, на родине. Вот уже двадцать лет я постоянно возвращаюсь, ночью — во сне, днем — в мыслях, в свой район, в тот тупик, где я счастливо жил среди родных и друзей. Неизгладимые отпечатки детства — на что они мне? Когда все хорошо, я думаю, что в них источник моих сил и чувств. А когда надерусь, мне кажется, что это из-за них я такой неприкаянный.

Только и делаю, что блуждаю по жизни. Все мне интересно. И ничто не увлекает. Не захватывает. Я пустышка, ни то ни се. Иной раз ущипну себя. Взгляну со стороны — как выгляжу на лю-

дах, на работе, с сослуживцами. Неужели тот парень в зеркале лифта — это я? Или вон тот, что сидит рядом с кофемашиной и натужно смеется? Не узнаю себя. Я приехал из очень далеких краев и никак не привыкну к тому, что я здесь. Коллеги обсуждают погоду и телепрограмму. Я их не слушаю. Я задыхаюсь. Оттягиваю воротник рубашки. Я обмотан одежкой. Обут в начищенные до противного блеска туфли. Что с моими ногами? Они упрятаны. Я так давно не видел их вольно гуляющими босиком. Выглядываю в окно. Там низкое серое небо. Моросит липкий дождь. И нету мангового дерева в крохотном скверике между торговым центром и железной дорогой.

В тот вечер сразу после работы я свернул в первый попавшийся бар, напротив вокзала. Уселся около настольного футбола и заказал стаканчик виски в честь своего дня рождения — мне исполнилось тридцать три года. Набрал мобильный номер Аны — не отвечает. Дозванивался долго и упрямо. Пока не вспомнил, что она сейчас в Лондоне, по делам. А я хотел ей рассказать про утренний телефонный звонок. Это же знак судьбы. Я должен туда съездить. Хотя бы для душевного покоя. Раз и навсегда избавиться от того, что меня гло-

жет и гложет. Закрывать за собой эту дверь насовсем. Я заказал еще виски. Тут мои мысли перебил телевизор, висевший над баром. Новостной канал показывал хронику: бегущих от войны людей. Я видел, как они на чем придется причаливают к европейскому берегу. Как вылезают их полуживые от холода, голода и жажды детишки. В безумной мировой игре они поставили на кон свою жизнь. А вот они на президентской трибуне, их усадили там с комфортом, раздали по стакану виски. Все будут думать, что они спаслись из ада и попали в Эльдорадо. Чушь! Никто и не обмолвится о том, что их страна живет у них внутри. В новостях не говорят о лирике. А это ведь единственное, что выносит человек из всего жизненного пути. Я отвернулся от экрана, там показывают правду, но не всю. Может, когда-нибудь эти дети напишут о главном. Мне стало так тоскливо, будто я очутился на пустой стоянке посреди зимней трассы. Так каждый раз в день рождения — меня накрывает хандра, как тропический ливень, стоит только подумать о папе, маме, о друзьях и о том далеком дне, когда мы устроили праздник в саду, над выпотрошенной крокодильей тушей...

1

Мне никогда не узнать, из-за чего на самом деле разошлись родители. Но думаю, тут с самого начала было какое-то глубинное недоразумение. Производственный дефект в самой встрече, мелочь, которой никто не увидел или не пожелал увидеть. В то давнее время родители были молодыми и красивыми. Сердца их пылали надеждой, как солнце начальной поры независимости. Это надо было видеть! Папа в день свадьбы, надев на палец невесты кольцо, был безумно счастлив. Конечно, он и сам был недурен собой, настоящий мужчина: ясные глаза, русые с золотистыми прядями волосы, осанка викинга. Но до мамы ему было далеко, мама — само совершенство с головы до ног. Таких красивых, длинных, стройных ног!

Женские взгляды они превращали в ружейные дула, а мужские притягивали, как приоткрытые жалюзи. Папа, в ту пору молоденький французский парень, родом из департамента Юра, проходил в Бурунди альтернативную службу; местный пейзаж ничем не отличался от родного бургундского, но не было там девушек с такой походкой, как у мамы, тонких и гибких, как тростинки, высоченных, что твой небоскреб, с эбеновой кожей и огромными глазами буйволиц. Его можно понять! На их свадьбе расстроенные гитары наяривали беззаботную румбу, и само счастье лихо насвистывало ча-ча-ча под небом, усеянным звездами. Готово дело! А дальше лафа! Живи. Люби. Веселись. Существовай. Дуй прямиком, не оборачивайся, пока не кончится дорожка, а то, глядишь, и подальше.

Но мои родители были подростками-шалопаями и не могли так сразу превратиться в ответственных взрослых. Они еще не успели выйти из переходного возраста, с его шальными гормонами и ночными гулянками, а тут изволь выкинуть пустые бутылки, вытряхнуть из пепельниц окурки косяков, убрать подальше пластинки с психоделическим роком, сложить на полку джинсы клеш и пестрые рубашки. Конец веселью! Налоги, дети, обязанности, быт — все это свалилось на них слишком рано и слишком быстро, мало того — еще в при-

дачу душевный кризис, бандиты на дороге, диктаторы и государственные перевороты, программы структурной адаптации, утраченные идеалы; светлое утро не хотело наступать, и солнечное будущее с каждым днем скукоживалось. От действительности не убежишь. Грубой. Жестокой. Детское разгильдяйство сменилось деспотичной, как неумолимое тиканье часов, размеренностью. Зов естества вернулся бумерангом и здорово огрел моих родителей по башке. Они поняли, что приняли влечение за любовь и каждый видел другого таким, как сам себе нарисовал. У них были общие иллюзии, но разные мечты. Мечта у каждого была своя, каждый эгоистически держался за нее и не желал подделяться под другого.

Но в то давнее время, еще до всего, когда еще не началось то, о чем пойдет мой рассказ, и все прочее, мы жили счастливо, просто жили и ни о чем не задумывались. Все шло как шло, по заведенному, и мне хотелось, чтобы так оно и продолжалось. Жизнь походила на мирный, сладкий сон, и никакой комар не зудел у тебя в ухе, и не долбили голову вопросы. В то счастливое время, когда меня спрашивали: “Как дела?” — я мгновенно выпаивал: “Хорошо!” Совершенно бездумно. Когда ты счастлив, думать незачем. Это потом уже я начал вслушиваться в смысл вопроса. Прикидывать,

ГАЗЛЬ ФАЙ

все ли так хорошо. Не сразу отвечать, а шевелить мозгами. Впрочем, не я один, то же самое произошло со всей страной. “Так себе”, — отвечали теперь люди. Потому что после всего, что случилось, все не могло быть совсем хорошо.